

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(**luna*, **lun'a*, **setъnəjъ* и **sotiti*, **stopъnəkъ*,
**telm-*, **tolm-*, **təlm-*, **trek-*, **trok-*, **trak-*,
**tronəka*, **zqbybъ*)

luna*/lun'a*

Продолжения этих основ образуют самостоятельное ответвление в рамках этимологического гнезда с и.-е. корнем *(s)*leu-* ‘слабый, вялый’, шире всего представленного в славянских языках в сочетании с расширителем *-t*. Как показал В. Борись, славянские и германские языки знают параллельные образования с и.-е. *(s)*leut-*, различающиеся наличием или отсутствием начального *s*:ср. болг. диал. *слутам се=лутам се* ‘бродить, скитаться’, макед. *лута* и *слута* то же, с.-хорв. *lútati* то же и прилаг. *sljütav*, *sljütaſt* ‘слабый, бессильный’ и т. п.¹ В отдельных славянских языках и диалектах находим следы и.-е. *(s)*leu-* с подвижным начальным *s*, но с другим расширителем — *-n*. К отражениям праслав. диал. *(s)*lun-* могут быть отнесены некоторые сербохорватские образования: *lün̄a* м. и ж. р. (< **lunja*), обозначение человека с дурным, тупым взглядом (RJA VI, 218), чакав. *lün̄a* ‘плохое, дурное настроение; тупое бешенство; состояние течки’ (Hraste — Šimunović, 511: Хвар, Брач), производные *lúnjati se*, *lúnjam se* (Вук, Павлинович) ‘ходить, понуро опустив голову’, *slínjät* (Космет) ‘бродить, скитаться’, прил. *línjav*=ц.-слав. *лунякъ* ‘*demissum caput habens*’ (Skok II, 331). На восточнославянской территории эту основу представляют рус. диал. *луна* ‘смерть’, *лунъ-лунем* ‘о растерянном человеке’ (Филин 17, 196—197), псков. *лунъявый* ‘глупый’, *облунеть* ‘потерять сознание’ и образования с начальным *s*, подвергшимся озвончению на стыке приставки и корня: псков. *блунъ* (< **ob-slunъ*) ‘состояние опьянения, головокружения’², твер. *вызлунъ* ‘сумасшедший, лишившийся рассудка; слабоумный человек; сумасбродный неуравновешенный, с причудами человек’ (Филин 5, 282). На восточнославянской почве рассматриваемая основа с расширителями *-t* и *-n* имеет апофонический вариант с корневым гласным в ступени редукции (Bergneker I, 748). Это — рус. *лытать* ‘уклоняться от дела, скитаться’ и *лынь*, *лынáла* ‘лентяй, шатун, бродяга’, *лынать*, *отлынивать* ‘уклоняться от дела’ (Даль³ II, 716, 718; Фасмер II, 541; III, 171).

В соответствии с основой, содержащей элемент *-n*, в славянских языках существует и простая основа без этого элемента в болг. родоп. *уд-луявъм съ*, *од-люя съ* ‘избежать работы’ (< **ot-lu-jati*), построенного по типу глаголов на *-aje*: *ati*. Именно эта основа **lu(ja)ti*, а не имя **luna* (ср. Фасмер II, 533) является производящей для глаголов с показателем *-nq*: ср. ст.-чеш. *lunýti* ‘избегать’ (Gebauer II, 290) и рус. диал. *лұнуть* ‘умереть, издохнуть’ (Филин 17, 196), блр. *лўнуць*

‘погибнуть’. С этими образованиями отношением чередования связанны укр. *лівіти* ‘слабеть, уменьшаться’, чеш. *leviti* ‘облегчить, умерить’, гот. *lēwjan* ‘изменять, предавать’ и др. (Фасмер II, 533).

Все приведенные выше слова этимологически не соотносимы с слав. **lunъ* ‘*vultur*’. При объяснении сербохорватских слов Миклосич и Скок исходили из слав. **lunъ*, допуская в производных *lūnjati*, *lūna* развитие метафорического значения (Miklosich, 176; Skok II, 331). Но для названия птицы *vultur* — вид сокола белого или серого цвета — определяющим на наш взгляд, был признак цвета, что, в частности, подтверждает и выражение *сед, как лунь*. Именно этот признак — белый, светлый — лежит в основе сближения слав. **lunъ* с и.-е. **louksnā*: рус. диал. *лунá* ‘зарница, отблеск на небе’, *лунъ* ‘тусклый свет’, польск. *łuna* ‘отблеск пламени, зарево’ и т. п. (Вернер I, 746; Ślawski V, 311—312)⁴. Как видим, рассматриваемые нами слав. **luna/*lun'a* и **lunъ* ‘*vultur*’ принадлежат к разным этимологическим гнездам.

**setъnъjь, *setъno и *sotiti*

Прилагательное **setъnъjь* встречается в основном в южнославянской языковой области и не на всей ее территории, а лишь в восточной части. Болгарский язык и его диалекты образуют область наиболее активного функционирования прил. **setъnъjь* и производных от него наречий **setъno*, **setъnъ*. В древнейших памятниках болгарской письменности (Супр.) и церковнославянских памятниках русского извода прил. **setъnъjь* характеризует значение ‘крайний, чрезвычайный’: ст.-слав. и др.-рус., рус.-цслав. *сетнъ* *тéλεος finitus, ἔχατος extremus* (Супр., Григ. Наз. XI в., Изб. 1073, Упырь), сп. въ *сетнъицъ зълъх*, *сетнъими оукоры*, нар. *сетно*, *сетнъie* ‘совершенно, окончательно’ (Miklosich LP 838; Срезневский III, 342—343). Современный болгарский язык и его диалекты, широко представляющие это прилагательное с большим числом производных образований, достаточно последовательно показывают одно значение — ‘последний’, которое, как можно думать, является производным от значения ‘крайний, чрезвычайный’, т. е. ‘находящийся на самом kraю’ > ‘последний’. Ср. *сётний* ‘последний, крайний’, *сетнина* ‘последствие’, *сётникa* ‘в последний раз’, нар. *сетнъ* ‘после, потом’ (Геров V, 160), родоп. *сётанъко*, *сетнук* нар. ‘после’, гюмюрд. *сётен* ‘следующий, последний’, *сёт'не* нар. ‘после того, вслед за’, костур. *сётне* нар. ‘после’, *сетнъна* ‘остаток жизни’, банат. *сётен* ‘находящийся на kraю, последний’⁵. Ту же семантику имеет и макед. диал. *сетен*: ср. *сетни овчар*, *сетната жена* (Конески III, 187)⁶. Скок (со ссылкой на Рельковича) приводит прил. *n̄esetni* в сочетаниях *svaki, sav i n̄esetni, i n̄esetni*, предполагая изменение *na* > *ne* в начале слова (Skok II, 511—512). На остальной южнославянской территории нами не обнаружены продолжения для этой основы.

Младенов возводил болг. *сетен* к и.-е. корню **se-*: *sō/sē(i)* ‘поздний’, который объединяет лат. *sērus*, гот. *seiþu* сп. р. ‘вечер’, *seiþus* ‘поздний’, др.-в.-нем. *sid* ‘позднее’, н.-в.-нем. *seit*, *seitdem* ‘с тех пор’

(Младенов, 579) ⁷. Это объяснение принимает Скок в своем словаре. Но еще Ягич отмечал, что слово *сѣтнъ* не имеет ничего общего с южнославянским словом ⁸. На трудности корневого вокализма в этом соответствии обращал внимание Фасмер (Фасмер III, 613—614).

Есть основания думать, что болг. *сeten* и слова, с ним связанные, входят в другую семью родственных слов, которая сохранилась частично в виде небольших изолированных фрагментов в основном в западнославянских языках. Этимологическое истолкование ю.-слав. **setъnъ*, которое является производным с суф. *-ъn-* от *set-*, определяет сближение с группой чешских наречий и союзов, объединяющей чеш. *setně-sotně* нар. 'едва, еле-еле', *sotva* нар. 'едва, с трудом, чуть', союз 'едва, как только, лишь только, только что', ю.-чеш. *setva*, *setvinka*, ляш. *sotvy*, ст.-чеш. *sotvička*, словац. *sotva*. В словаре Махека указанные чешские слова не получают удовлетворительного объяснения: они довольно искусственно включаются в этимологическое гнездо, объединяющее слова с корнем *sēt-*: польск. *sietny* 'бедный, слабый', ст.-слав. *сѣтнъ* 'печальный, скорбный', *сѣтокази певѣтъ* (Супр.). По мнению Махека, семантика ближайших индоевропейских соответствий — др.-ирл. *sáith*, *sóeth* 'страдание, труд', *sáithar*, *sáether* 'усилие, страдание, труд' (< **saitu-*, **saituro-*) — хорошо согласуется с тем кругом значений, который характеризует чешское наречие *sotva* 'едва, с трудом, еле-еле'. А в плане словообразовательных отношений, как подчеркивает Махек, ясна соотнесенность глагола **sētovati* с основой на *-i*, засвидетельствованной не только в славянских, но и индоевропейских языках. Махек сам признавал слабые стороны предлагаемого этимологического истолкования: в выдвигаемом им сопоставлении чеш. *setně*, *sotva* ~ слав. *sēt-* невозможно объяснить на основе чередования отношение корневого вокализма *e* ~ *o* ~ *ě* (< *oi*) (Machek², 568; Фасмер III, 614). Это препятствие побуждает признать истолкование Махека неубедительным и не вполне обоснованным.

Наметить новые пути к пониманию внутренней формы чешских слов помогают приведенные выше ст.-слав. *сѣтнъ* 'чрезвычайный, крайний', болг. *сeten* 'последний'. Сопоставление южнославянских слов с чеш. *setně*, *soině*, *sotva* свободно от трудностей фонетического порядка, а в плане семантики чешские слова представляют следующую ступень той тематической эволюции, которая прослеживается в южнославянских языках: 'крайний, чрезмерный' > 'последний' > 'в последней степени' > 'едва, еле-еле', 'как только, лишь только'. Чеш. и словац. *sotva*, чеш. *setně*, *setně* указывают на сосуществование двух основ — на *-i* и *-i*.

Следующий шаг в продвижении вглубь к раскрытию внутренней формы рассматриваемых слов позволяет сделать сближение с глаголом **sotiti* 'ударить, толкнуть', который представляют в основном западнославянские языки:ср. ст.-чеш. *sotiti*, ляш., вал. *sotit'* 'пихнуть, толкнуть (в болото); ударить', ст.-чеш. *sota* 'рана', *sot* 'truda' (и Klareta), диал. *sotný* 'трудный, затруднительный', словац. *sotit'* 'ударить', морав. *sótat'* (*sócat'*, *sácat'*), *sótňút'* 'толкнуть, ударить; бранить', в также польск. диал. *socić*, *saczać*, *socać* (с приставками

do-, od-, prze-, wy-, za- и др.) ‘толкать, шихать’ и *socać* ‘разбрасывать деньги’, *fsocać, wysoсаć* ‘всевывать, выдвигать’ и т. п. (Machek², 567; Варшавский словарь VI, 2, 256—257). М. Куцала видит в этом глаголе один из примеров связи говоров юго-западной Малой Польши с чешско-словацкой языковой областью⁹. Этот ряд соответствий дополняет укр. *присоматися* ‘привязать, пристать; прийти, прибрести’ (Гринченко III, 440), семантика которого может быть понята как переосмысление исходного значения: ‘ударить, побить’ > ‘прибиться’ > ‘пристать’. Та же основа предполагается для словен. *sôten, -sônten* ‘сильный’ (Bezlaž Eseji, 119). Круг индоевропейских соответствий для слав. **sotiti* составляют лтш. *sitù, sist* ‘быть, толкать’, др.-инд. *çatayati* (< и.-е. **ket-*)¹⁰, тох. В. *sats-* ‘ударить’ (Machek², 567).

Дошедшие до нас фрагменты этимологического гнезда с корнем **set-/sot-* предстают как связанные между собой звенья общей семантической эволюции в направлении ‘ударить, толкнуть’ > ‘ударный, сильный’ (ср. словен. *sôten*) > ‘крайнее, чрезмерное проявление этого качества’ > ‘крайний, чрезмерный’ > ‘в последней степени’, ‘последний’ > ‘едва, еле-еле; вслед за’ > ‘как только’, ‘и только’. Объединяемые на основе чередования и общей семантической эволюции ю.-слав. **setyńjъ* и зап.-слав. **sotiti*, по всей видимости, составляют лишь часть реконструируемого этимологического гнезда. Исходя из типов славянского аблauta и модели образования глаголов на *-iti* с корневым гласным *o*, можно предположить для праславянского существование глагола с тематическим гласным *e/o* и корневым *e* типа ***sesti, setq.* Эта глагольная основа, став производящей для **sotiti*, была рано утрачена, но след ее остался в отглагольном прилагательном **setyńjъ*.

**stonykъ*

В диалектах чешско-словацкой языковой группы Махек выделяет ряд однокоренных слов, для которого отсутствуют продолжения в славянских языках. В этот ряд входят чеш. *stonek* ‘ствол дерева с отрезанными ветками; обрубок; ветка; дерево, служащее для укрепления поклажи дров или связки плота’, ст.-чеш. и морав.-словац. ‘пень’, перен. ‘глупый человек’, словац. *stonka* ‘стебель; ствол дерева’, ляш. *stonek* ‘стержень пера’, ганац. *stonec* ‘молодые перья’, а также образования с приставками *ob-* и *ko-*: словац. *kostonok* и *ko-stonka* ‘стебель пера’, морав. *ostonek, vostenec* ‘стержень пера’ (=‘зародыш пера, пробивающийся из кожи’). С другим корневым вокализмом чеш. ю.-в. *steneč* ‘молодое птичье перо’ и словац. *stínok* ‘стержень пера’ (Machek², 579). Махек восстанавливает для этих образований основу на *-i*, расширенную суффиксом *-kъ*, — **stonykъ* и приводит в качестве ближайшего соответствия др.-инд. *sthāṇī* с тем же значением, что и слов. **stonykъ* — ‘стебель; стержень пера; черенок’. Это соответствие допускается при условии, что фонетический облик др.-инд. *sthāṇī*- (ср. ā, перебральное n) претерпел изменения под влиянием синонимичного *kāṇī*-, для которого предпола-

тается иноязычный источник. Это допущение ослабляет доказательную силу выдвигаемого Махеком истолкования.

Внутренние возможности языка позволяют допустить другое объяснение, более убедительное с нашей точки зрения, основанное на соотнесении чеш. *stonek* со *stopa*. Чеш. *stonek* имеет структуру производного с суф. *-čkъ*, образованного от прил. **stopъnъjь*, в свою очередь произведенного от **stopa*. Слав. **stopa* входит в апофонический ряд **stopa*: **stepenъ*: **stъръ* 'спина; возвышенность; степь'¹¹; **stърепъ*. Разветвленная семантика этого этимологического гнезда строится вокруг значений 'основание; отросток, стебель': чеш. *stopa* обозначает ступню, след ноги, а связанное с ним чеш., словац. *stopka* — 'отросток, стебель, черенок'; слав. **stepenъ* — это 'степень, градус' и 'ступенька, скамейка' (ср. польск. *stopień*, в.-луж. *stopjeno*), 'лестница' (ср. с.-хорв. диал. *stepěnice* — Skok III, 333). Тот же корень **step-*, видимо, в чеш., словац. *stepka*, которое характеризуют те же значения, что и *stopka*. Правда, у Махека чеш., словац. *stopka*, *stepka* рассматриваются в отрыве от *stopa* и путем сложных фонетических преобразований сближаются с лит. *stāmbas* 'стебель', что едва ли может быть принято по причинам фонетического характера (Machek², 579). Обоснление чеш. и словац. *stopka*, *stepka* и выделение их в самостоятельную независимую группу в значительной степени определяется неполным знанием семантики слав. **stopa*, ориентацией лишь на один ряд значений — 'стопа, ступень, основание'. Показательно, что продолжения одного из апофонических вариантов слав. **stърепъ* последовательно представляют значение 'отросток, стебель': чеш. морав. *špeněk*, *špenka* 'отросток', *ošpeněka* 'сухая веточка', ст.-польск. *stpienъ* 'fibula' (Machek², 621). Именно ст.-польск. *stpienъ* указывает на исходное **stърепъ*. По данным словаря Фасмера, рус. диал. *шпинъ*, *шпинь*, *шпенек* 'шпип; тычек; гвоздь без шляпки', новг. *шпинъ*, *шпини* 'вихор, хохол на голове, чуб, кудри' (Даль³ IV, 644; Даль², IV, 621) заимствованы из польского языка (Фасмер III, 462). Как видим, чеш. *stonek* хорошо согласуется с семантическими возможностями предполагаемого для него этимологического гнезда. Наличие синонимичного образования с корневым *e* (ср. чеш. *štěnec*, словац. *stínok* с возможным развитием *e > i* в долгом слоге) не противоречит особенностям производящей основы и поддерживается параллелизмом однотипных образований с суф. *-ka* — *stepka*, *stopka*.

**telm-* / **tolm-* / **təlm-*

Эти основы с разными ступенями корневого вокализма представляют славянские диалекты западной и восточной групп. В этимологической литературе чередующиеся основы рассматриваются, как правило, отдельно друг от друга, без какой бы то ни было связи. Между тем общие соображения структурно-семантического порядка дают основание для признания этимологического тождества продолжений **telm-*, **tolm-* и **tъlm-*.

Весь ряд чередующихся основ в полном объеме представляют лишь западнославянские языки. Преимущественно чешскими диалек-

тами ограничено распространение основы **telm*- с корневым *e*: ср. *vytlemiti* (*ústa, rty*) 'осклабиться', диал. *zatlemiti* то же (PSJČ VII, 530; VIII, 155), ю.-чеш. *vo-tlemenej, roz-tlemenej* 'о грубом, дерзком человеке' (Machek², 645), диал. *votlema* 'ротозей'¹².

Основу **tolm*- продолжают кашуб.-словин. *tlómic, tlómí* 'много есть, быть прожорливым', арх. *tlóm* 'голод, аппетит', *tlómni* 'прожорливый' и т. д. (Sychta V, 355—356), *tlóm* 'масса, множество', *tlóm^ugaś (sq)* 'возиться, неистовствовать' (Lorentz Pomor. II, 3, 573), ст.-чеш. *natlamati se*, морав. *tlámat, tl'ámat* 'есть, жевать', отглаг. *tlama* 'губа; пасть, морда', *tlamy žvamy* 'клевета' (Machek², 645; Kott IV, 100), словац. *tlama* 'морда' (SSJ IV, 535) и т. д. Если исходить из нашего понимания, то следует исключить из приводимого Махеком ряда западнославянских соответствий в.-луж. *klama* 'морда, пасть', которое, по всей видимости, соотносится с в.-луж. *klamać, klemić* 'дерзить; грубить'. В восточнославянских языках отражением основы **tolm*- можно считать рус. псков. *сúтоломня* 'толкотня, давка; бестолочь' (Дал² IV, 365), сиб. *толом(ок)* 'морды из прутьев *толомками* зовут (часть невода)' (Словарь Оби III, 184—185).

И, наконец, ступень редукции в корне содержит кашуб.-словин. *tlum* 'масса, множество', **tlumic* в сложении *rědtlumic* 'давить, жать' (Lorentz Pomor. II, 3, 575), польск. *tlum* 'толпа, скопище', *tlumić* 'подавлять; прекращать; заглушать', словац. *tlmit'* 'умерять интенсивность, приглушать' (SSJ IV, 537), а также рус. диал. *толмить, тбльмить* 'твердить, долбить; упорствовать' (Фасмер IV, 72).

Словац. *tlmit'* и польск. *tlumić*, вынесенные Махеком в отдельную статью и таким образом ограниченные от родственных им слов, этимологически сближаются с лит. *stelbt* 'подавлять, заглушать (когда сильные растения заглушают слабые)', *stilbt* 'слабеть, гибнуть (о растениях)'. Махек считает, что самым точным соответствием слов. **tylmiti* был бы литовский фактитив **stybinti* 'ослабить' при условии *s-mobile* и мены в корне *b/m*. Но вероятность этой этимологии ослабляет 1) допущение нерегулярных изменений и 2) отсутствие семантического тождества в литовско-славянском соответствии — условия, обязательного для этимологической концепции Махека. Действительно, наблюдается глубокое расхождение в семантике сопоставляемых слов. Разнообразные значения, характеризующие слав. **telm*-/**tolm*-/**tl̥lm*-, имеют в качестве исходного значение 'биться; давить; толкаться', по отношению к нему вторичны экспрессивно окрашенные значения 'жрать, есть' и 'морда', 'осклабиться'. Совершенно очевидно, что лит. *stelbt* 'заглушать, умерить силу' имеет другую семантическую природу.

Махек выделяет в самостоятельную группу чеш. *tlama* и некоторые близкие ему слова (морав. *tlámat, tl'ámat*, диал. *vytlemiti se* и т. п.) и объясняет на основе мены *p > m* как родственные *tlapati* и *tlaskati* < *tlap-skati* (Machek², 645).

Наметить внутренние связи между указанными выше словами и определить этимологию помогает предложенная в свое время Брюкнером реконструкция польск. *tlum* в виде **tъlp-m-* (Brückner, 572).

Эта этимология принимается Фасмером и для рус. *супломня*. О. Н. Трубачев¹³ вносит некоторые уточнения в реконструкцию, полагая излишним и искусственным производить польск. *tłum* из **týlp-m*. Он считает, что в праславянском наряду с основой **týlp-* самостоятельно существовала основа **týlm-*. Обе основы со всеми апофоническими вариантами принадлежали этимологическому гнезду, которое объединяет рус. *толпа*, лит. *telpù*, *telpaï*, *tilpti* ‘помещаться, входить’, лтш. *tilpt*, *telpti*, *tilpstu*, *tilpti* ‘помещаться, входить,ходить’, др.-инд. *tálpas* м. р., *talpà* ж. р. ‘ложе, седалище’, ирл. *tal-laim* ‘нахожу место’ (Фасмер IV, 74; Fraenkel, 1094). В. Н. Топоров включает в это же гнездо рус. диал. *телепа́ться* ‘болтаться, мотаться’, рус., укр. *телепе́нь* ‘болван’, ‘вялый ребенок; неуклюжий человек’, которые в целом характеризуются как обозначающие «неупорядоченное, разнонаправленное движение, нечто отличающееся большими размерами и/или множественностью»¹⁴. Вся эта группа слов вместе с лув. *taluppi-* ‘ком, глыба’, хетт. *”Telepinuš*, по мнению В. Н. Топорова, изначально была связана с мифологией и культом пчел.

*trek- *trok-/*trak-

Основание для реконструкции этих основ дают данные лексики двух языков — русского и болгарского. В русских диалектах находим *трёкать* ворон. ‘кряхтеть и стонать’, волог. ‘бить, колотить, вбивать, заколачивать; стучать’ (ср.: Не мог вчера *дотрекаться* у вас, т. е. достучаться; Гвоздь так *затрекан*, что не добудешь, т. е. вбит — Даль² IV, 428), ирк. ‘говорить (о пустых, неосновательных высказываниях)’ (Иркутский словарь III, 68), *трёкнуться*, *трёхнуться* ‘вдруг сообразить, понять’ (там же), сиб. ‘отречься, отказаться, отступиться, отпереться’ (Даль² IV, 428), ‘упасть’ (Словарь говоров Оби 3, 187), шадр., великоуст. ‘удариться, треснуться’¹⁵, влад. *затрёкать* ‘спрятать, убрать в потайное место’, вят. *затрёкаться* ‘зайти, заехать в грязь, в топкое место’ (Филип 11, 105, 107) и далее волог. *трека* ‘большая деревянная колотушка, молот’ (ср. у Даля Колья *трекой* вбивают). От этих слов следует, видимо, ограничить близкий по форме морской термин *трёкать* ‘петь в ритм при перетаскивании и поднятии корабельных грузов’, который считается заимствованием нидерл., н.-нем. *trekken* ‘тащить’ (Фасмер IV, 97). Осмыслия происхождение русских диалектизмов, Даляр уверено говорит об исконности только рус. *трека* ‘колотушка’. Что же касается *трекать* и его производных, то вопрос для него остается открытым: то ли они тождественны заимствованному морскому термину, то ли это исконное образование. Русский и шире — славянский материал разрешает сомнение Даля в пользу исконно славянского происхождения рус. *трекать* в значении ‘бить, колотить’ (> ‘убиться’, ‘упасть’ и ‘вбить в голову’, ср. просторечное *мне стукнуло* ‘пришло в голову’ > ‘сообразить, понять’ и т. п.). Ту же исходную основу **trek-* можно предположить и для некоторых русских диалектизмов, изолированных в словарном составе русского

языка. Это рус. олон. *треколье* 'обносчи, худое платье, ветошь, тряпье', 'худое, старое платье' (Даль² IV, 428; Опыт, 232) и образования с экспрессивным изменением *k* > *x*: олон. *трехалье*, *трехолье* 'рубище; худая одежда, ветошь, тряпье' (Даль³ IV, 837), *трехавый* 'взъерошенный, склонченный' (ср. Борода *трехава*). Даль затрудняется в определении родственных связей и потому неуверенно, со знаком вопроса ставит рядом с *трехавый* два возможных соотносительных глагола — *трясти*² или *трепать*².

Чередующиеся основы **trek-/*trok-* представляют болгарский язык и его диалекты: ср. *трéква*, *трéкнува*, *трекне ми* в значении 'приходить на ум', 'вздуматься' (Геров V, 352), хасков. *трòкъм* 'бить друг о друга'¹⁶. Болгарский материал как будто бы указывает и на существование варианта с корневым *a*: ср. *тракам* 'стучать, хлопать, щелкать', 'тарахтеть, трещать', родоп. *тràкам*, *тràкне* 'высекать огонь с помощью кремня', *тракачка* 'небольшой медный звонок', перен. 'болтун' и др.¹⁷ Лишь на этимологическом уровне можно говорить о родстве болгарских образований с основами **trek-* и **trak-*. В плане семантических отношений значение 'приходить на ум', устойчиво характеризующее глаголы *треква*, *трекне*, является производным от основного значения 'бить, колотить'.

Для славянских основ прослеживаются родственные связи в балтийских языках. В литовском языке находим разветвленное гнездо слов с развитыми семантическими отношениями, в составе этого гнезда ближе всего славянским образованиям лит. *trèkti* 'портить, уничтожать, разрушать', *trikti* 'толкать; запинаться, заблуждаться', *tràkas* 'бешеный, ненормальный' и *trâkas* 'место, где сжигают дрова', *trâknas* 'раздавленный, сломанный', *trâknys* 'разодранная солома; сенные отходы' (Fraenkel, 1116, 1122). При сопоставлении семантики славянских и балтийских слов наблюдается некоторая общность в реализации исходного значения 'бить, колотить' в направлении 'разбитый, сломанный' и 'плохие вещи, отходы', но в балтийских языках эта линия семантического развития вытеснена более активными семантическими процессами, которые утвердили новый ряд значений 'бить, колотить' > 'сбитый с толку', 'непонятный' (ср. лтш. *traks*) > 'сумасшедший, бешеный'. Исходную глагольную основу **trek-* с тематическим гласным *e/o* (ср. лит. *trèkti*) славянские языки переводят в класс глаголов на *-aje*: *ati*.

***tronъ(ka)**

Основы **tronъ* и **tronъka* выступают в некоторых славянских диалектах в функции имени со значением 'крошка, малость' и в функции наречия 'мало, немного'. Областью наиболее активного употребления этих основ является болгарский язык: ср. *трбнца*, *трбнника*, *трбнка* 'мало, немного', поясняемые в словаре Герова синонимами *мръва*, *троха*, *трошка* (Геров V, 357), страндж. *трднка*, *тронин'ко* 'совсем мало, недостаточно', ботевгр. *troná* в сочетании *една трона* 'совсем мало', самоков. *трднка* 'очень мало', костур. *тролїнка* 'малость' (с диссимиляцией *н* ~ *л*)¹⁸, неврок. *трѣнка* то же (ср. тòї *трѣнката* дето е ф ок'ото на другите е видіува), гевгел. *трдничък*

‘маленький, дробный’¹⁹, а также отыменные глаголы *трóнъх*, -иши ‘лущить кукурузу’ (Геров V, 357), врач. *трóдна* (*са*) ‘осыпать(ся)’²⁰. В македонских диалектах отмечено нар. *трóнсе* ‘мало’²¹.

Единичными примерами засвидетельствована эта основа в восточнославянских языках: укр. *тріньки* ‘немножечко’ (Гринченко IV, 284; Полтав., Харьк., Екат.), рус. дон. *троньки*, *трóнечки* ‘немного’ (Дон. словарь III, 162), а также, видимо, смол. *tronка* ‘орлянка’ (Гребнер 1877)²², если принять во внимание, что при игре в орлянку подбрасывалась мелкая монета.

Очень ограничены следы основы **tronъ* в западнославянских языках. Ее представляют кашуб.-словин. *v trón*, *v trónē* ‘совершенно, до тла’, ‘на куски’ (Sychta V, 389—390) и *tron* ‘пепел, зола’, ср. *v som tron p* “ob’ic ‘in Schutt und Asche verwandeln’ (Lorentz Pomor. III, 1, 602).

Слав. **tronъ(ka)* имеет структуру изолированного образования с затемненной внутренней формой. Ст. Илчев пытается объяснить ботевгр. *трана* из *трона* <*трохъна*, но последнее по всем правилам должно дать **трошъна*. Предполагаемое развитие **troхъна* > **trona* не поддерживается другими славянскими аналогиями, поэтому едва ли может быть принято во внимание. Между тем нетрудно заметить, что слав. **tronъka* сохраняется в семантике вполне очевидную связь с гл. **terti*, **tъrg*. Слав. **tъrgonъ*, будучи производным от гл. **terti*, полно представляет все ступени мотивационной зависимости от исходной глагольной основы: ‘терть’ > ‘лущить (кукурузу)’ > ‘труха, крошки, пыль’ (ср. особенно кашуб.-словин. *tron*) > ‘малость, нечто незначительное’. Становление значения ‘мало, немного’ обусловлено грамматикализацией основы в наречной функции. Слав. **tronъ* дополняет круг выявленных образований с редким архаичным суффиксом *-onъ* (лит. *-anas* < и.-е. *-ono-*), показателем *ponina actionis* (ср. **bobonъ*: *boboniti*, **gomonъ*: *gomoniti* и т. п. — *Słownik prasłowiański* I, 132—133) и расширяет состав именных производных с корнем **ter-* (ср. **truna*, **truxa* и т. п.).

Реконструкция для праславянского основы **tronъ(ka)*, соотносительной с гл. **terti*, **tъrg*, помогает определить происхождение некоторых этимологически трудных слов, к числу которых относится с.-хорв. чак. *trđn̄cov* прил. ‘разорванный’ (Hraste—Šimunović, 1259), содержащее в своем составе суф. *-ьс-* и *-ov*.

**zubъly*

Этимологические словари выделяют в особую самостоятельную группу лексемы славянского Юга с корневым *zub-*: с.-хорв. *züblja* (Вук, Черногория) ‘лучина, факел; полено’, словен. *zubja* (XV в.) ‘факел’, *zübelj* ‘пламя’ (Skok III, 663—664; Miklosich, 404). А. Е. Супрун обратил внимание на интересное соответствие в полесских говорах, которое меняет наше представление о географии этого слова²³. В полесских говорах приспособление для подкуривания пчел обозначается словами *зубель*, *зубяль*, *зубля*, *зублэнь*, *зубыло*²⁴. Известны две этимологические версии для южнославянских лексем. Миклошич связывал с.-хорв. *zublja*, словен. *zubelj* с лит. *žiburus*

‘свет, факел’, родственным *ziböli* ‘блестеть, излучать свет’. Петерсон восстанавливал для них и.-е. корень **ghuel-* ‘светить’ с расширителем *-bh-*²⁵. Сюк строит свое объяснение на сопоставлении с лит. *žabas* ‘ветка’, *žabà* ‘прут’, др.-исл. *kafli* ‘полено’, нов.-в.-нем. *Kabel* ‘грубо отесанное дерево’ < и.-е. **gebh-* ‘кусок дерева’. Оба истолкования сопряжены с большими трудностями корневого вокализма. В одном случае возникает необходимость допущения чередования **gouib-*: **goib-*²⁶, в другом — чередования **gouvh-*: *gebh-*. «Независимо от и.-е. этимологии, — пишет А. Е. Супрун, — полесско-южнославянское сходение представляет интерес для реконструкции праславянского лексического фонда».

На наш взгляд, два момента осложнили поиски этимологического решения: 1) неверный выбор исходного значения и 2) ориентация на морфему с корневым *-i*. Неверная семантическая установка (‘факел’ или ‘кусок дерева’) увела внимание исследователей в сторону от очень ясных, прозрачных, очевидных этимологических связей со слав. **zqbъ*. При вскрытии внутренней формы южнославянских слов исходили не из конкретных особенностей реалии, обозначаемой основой *zub-*, а из семантики, отражающей уже факт функционирования слова. Не последнюю роль здесь сыграла и ограниченность этнографических, письменных свидетельств, касающихся этого слова. Значение восточнославянских материалов в том, что они не только отмечают функционирование слова, но и дают описание приспособления, представляют его устройство. По данным полесских материалов *зубель* это не только головешка, но и еловые ветки или намотанное на палочку тряпье. В русской терминологии пчеловодства в той же функции выступает слово *зубень*. Конкретные сведения об устройстве этого приспособления дают «Материалы для русского сельскохозяйственного словаря»: «Зубень — так называют толстую палку из трухлявого дерева, на одном конце крестообразно надколотую. Конец этот расщепляют клинышком, кладут в расщеп трут и употребляют для подкурки пчел». Словарь русских народных говоров дает еще одно пояснение: «Зубень — это палка, расщепленная на конце на четыре клина» (Филин 11, 359). Судя по описаниям, приспособление для подкуривания пчел имело форму палки с острым, зубчатым завершением, что и определило название этого устройства.

Такому пониманию мотивационных отношений не противоречит словен. *zubelj* с корневым *i*. Для словенского языка типичным считается отражение *q* в виде *o*, но в некоторых диалектах, в частности нотраньских и диалекте Краса, наблюдается развитие *q* > *uo*, *u*:ср. *zqb* > *zûp*, *tqžъ* > *tûš* и т. п.²⁷ В словаре Плетершика среди помет, сопровождающих слово *zubelj*, есть и указание на территорию его распространения: слово *zubelj* представлено в Красе.

Таким образом, все данные свидетельствуют в пользу происхождения ю.-слав. и вост.-слав. слов от **zqbъ*.

Примечания

¹ Boryś W. Na tropach słowiańskich reliktów leksykalnych. — RSI XLII, cz. 1, 1981, 25—27.

² Картотека Псковского областного словаря. Межкафедральный словарный кабинет филол. ф-та ЛГУ.

- ³ Стойчев Т. Родопски речник. — Родопи № 11, 1976, 25.
- ⁴ Мало вероятными, очень неубедительными представляются попытки объяснения слов. **lunъ* из **lurpъ* от *lupiti* (Фасмер II, 534). Трудно согласиться и с мнением Потебни, считавшего, что слов. **lunъ* имеет исходное значение 'разрывающий' и на этом основании родственно др.-инд. *lunāti*, *lunōti* 'режет, отрезает' (Преображенский I, 478).
- ⁵ Стойчев Т. Родопски речник. — БД II, 265; Вояджиев Т. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — БД VI, 84; Шклифов Б. Речник на костурска говор. — БД VIII, 307; Стойков Ст. Лексиката на банатския говор. София, 1968, 214.
- ⁶ Ср. еще: Конески Б. Материали за Преспанското говор од збирката на С. Н. Томиќ. — МЈ VIII, 2, 1957, 191.
- ⁷ См.: еще: Младенов Ст. Старите германски елементи в славянските езици. — СБНУ XXV. София, 1909, ч. 2, с. 106—107.
- ⁸ Jagić V. Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, 10.
- ⁹ Kucala M. -sacać (-socić) -'suwać' (-'sunać'). — JP XXXV, 4, 1955, 268—270.
- ¹⁰ Сор В. Etyma Balto-Slavica. — SR 5—7, 1954, с. 227—237. В. Н. Топоров принимает это сопоставление и признает его удачным. См.: Топоров В. Н. Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений. — ВСЯ З, 1958, 153.
- ¹¹ Меркулова В. А. Заметки по истории и этимологии слов. — В кн.: Этимология. 1968. М., 1971, 86—91.
- ¹² Vydra B. Popis a rozbor podřečí hornoblanického. Рг., 1923, 124.
- ¹³ Трубачев О. Н. Заметки по лехитской этимологии. — В кн.: Исследования по польскому языку. М., 1969, 304.
- ¹⁴ Топоров В. Н. *Tel-p-n, *Tal-p-n в свете иностранической перспективы. — В кн.: Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. М., 1972, с. 78—81.
- ¹⁵ Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми и третье полногласие. — Изв. ОРЯС, т. VII, кн. 2. СПб., 1902, 348.
- ¹⁶ Ср. еще: Божкова З. Принос към речника на софийския говор. — БД I, с. 269; Младенов М. Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 179; Кънчев И. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. — Изв. Ин-та за български език, кн. IV, С., 1956, 241 и др.
- ¹⁷ Стойчев Т. Родопски речник. — БД V, 212.
- ¹⁸ Горов Г. Страндженският говор. — БД I, 145; Илечев Ст. Към ботевградската лексика. — БД I, с. 203; Шакарев И. и Близнев Л. Речник на самоковския градски говор. — БД VIII, 281; Шклифов Б. Речник на костурския говор. — БД VIII, 318.
- ¹⁹ Мирчев К. Принос към словаря на Неврокопското наречие. — МПр VIII, 2, 132; Милетич Л. Към особеностите на гевгелийския говор. — Там же, 69.
- ²⁰ Хитов Хр. Речник на говора на с. Радовене, Врачанско. — БД IX, 330.
- ²¹ Каровски Л. Зборови от Тиквешко. — МЈ II, 3, 1951, 93.
- ²² Картотека словаря русских народных говоров. Ин-т языкоznания АН СССР. Л.
- ²³ Супрун А. Е. Из полеско-южнославянских изолекс. — В кн.: Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983, 61—62.
- ²⁴ Анохина В. В., Никончук Н. В. Полесская терминология пчеловодства. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 333; Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982, т. 2, 168.
- ²⁵ Библиографија од 1914—1922 (1923). III. Словенске етимологије. — ЈФ III, 1922—1923, 217.
- ²⁶ Bezljaj F. Zajednička problematika južnoslavenske leksike. Рукопись, 12.
- ²⁷ Sławski F. Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. W-wa, 1962, 51—53.